

Ефимов Е.

ЗЕМЛЯК С ОСТРОВА КИПР

— Спросите в Чирчике о докторе Василии, и вам расскажут...

Я последовал совету президента Республики Кипр. И в Чирчике мне много рассказали о человеке, исцелявшем слепых. Но далеко не все услышанное оказалось новостью: уже треть века идет о нем молва. Да мне и самому доводилось встречаться с доктором.

...Дождливым рассветом отправился в Чирчик. Водители рейсовых автобусов еще только протирали стекла, пришлось дожидаться. Рядом притормозила белая «Волга». Водитель распахнул дверь: «Прощу!»

Уже потом, когда мы подъезжали к Чирчику, водитель покосился на мои очки: — Стекла не устраивают?

— Слабоваты... А вы как догадались?

— Любый врач догадается. Заедем ко мне — выпишу новый рецепт.

Знать бы, что это — не просто рецепт, но автограф... И что спустя много лет я встречу здесь лишь переснятую фотографию смуглого человека с венчиком седых волос над крутым лбом...

Правда, выпала нам еще одна встреча: несколько кадров из врачебных будней доктора Василию мы вместе с его земляком режиссером кинохроники Е. Дурмусоглу ввели в фильм о греках-эмигрантах в Узбекистане.

А тогда он пригласил заглянуть в больницу еще разок на обратном пути. Вечером доктор Василию провел меня по двум маленьким палатам — десять коек. А еще одну комнату показал лишь с порога: «Операционная!» И такая гордость слышалась в его пояснениях, словно это — первое большое дело, которое удалось ему на долгом веку.

Между тем его дождалась — за тридевять земель, на средиземноморском острове — первоклассная клиника. Та клиника на Кипре долго ждала врача. А он действительно совершил в маленьком узбекском городе большое дело.

Но прежде ему надо было доказать свое право лечить: партизанский врач не прихватил свой диплом в горы, а потом — в эмиграцию... Поступил на фельдшерский пункт «Ташсельмаша». И осторожно, чтобы не обидеть коллегу, подсказывал молодому врачу, как быть с жалобами на неудачные очки или как диагностировать глаукому...

Но вскоре все же получил диплом — возможно, самый необычный в практике. На нем значились две подписи — профессора Ташкентского ме-

дицинского института Петра Федоровича Архангельского и его ассистента, а ныне профессора Татьяны Георгиевны Ильиной. То было по сути ручательство: ташкентские медики подтвердили высокую врачебную квалификацию своего коллеги-киприота, которого стали называть на русский лад — Василием Георгиевичем.

Через несколько месяцев, после серии совместных операций, можно было думать и о самостоятельной работе. И ему предложили город, где нужен был глазной врач с навыками хирурга.

Сегодня, вспоминая его, в Чирчике непременно прибавят с гордостью: «Он не узнал бы». Что ж, это великое счастье — «не узнать» начатого тобой дела, которое продолжили младшие товарищи и коллеги. Доктор Октябрина Абдуллаевна Кадырова называет цифры: в первом глазном отделении, учрежденном Василием Георгиевичем, было десять коек, сейчас — семьдесят. В ту пору имелся один глазной кабинет, сейчас их в Чирчике семь — специализированных и зональных. И можно ли было предстать, что в корпусе, подаренном недав-

но офтальмологам Чирчика, появится, скажем, микроскоп для тончайших операций на хрусталике...

А начиналось все здесь с доктора Василию. Потому что дело в конечном итоге не в совершенном инструментарии, а в искусстве и милосердии врача.

— Много переменялось с тех пор, — говорит доктор Э. Файнер, ученица Василия Георгиевича, ныне работающая в Ташкентской областной больнице. — Иной стала методика, появились сложные приборы, инструментарий... Но есть и непреходящие ценности. Ведь не зря говорят, что врачевание — и наука, и искусство. А как он вступал в контакт с больным...

Он выходил в переполненную приемную и ставил первый «диагноз», чтобы по своему определить очередность. Первыми шли измученные болью или дальней дорогой. И непременно рядом с доктором были сестры, только что ассистировавшие в операционной: они становились переводчицами. Но через год Василий Георгиевич уже сам объяснялся со своими пациентами.

Если очередь не убывала до вечера, он где-то посередине приема объявлял: «Берем тайм-аут!» Нянечка тетя Луша ставила самовар, а доктор приступал к любимому ритуалу — кофе по-гречески и непременно приговаривал: «На Кипре я после такой операции отправлялся на море...» Медсестры знали: доктор в эти минуты всегда вспоминает родное море, делится заботами о дочке Монике и сыне Георгии...

Прощаясь, Василий Георгиевич подарил друзьям и коллегам фотографии с надписью: «Дорогим землякам». Он и на Кипре, вновь обретя свою родину, чувствовал себя нашим земляком. И вскоре пришел с далекого острова еще один снимок — Юрий Гагарин и Василий Василию...

...Время отняло этого славного человека у его кипрских и советских земляков. Но время же и лечит нашу грусть. На этот раз — обращенными к нам с телевизионного экрана словами сына доктора Василию — Георгия Василию, президента Республики Кипр:

— Спросите в городе Чирчике, и вам расскажут...

Да, здесь расскажут и о добрых делах замечательного целителя, и о нашем общем достоянии — дружбе.

Е. ЕФИМОВ.